

Т. Ф. Фильчук

Монологический дискурс в литературно-публицистическом тексте

Большинство современных текстов характеризуется сопряжением двух социальных языков, выделенных Р. Бартом [1; 2], – энкратического, которому свойственна липкость, всепроникаемость, унифицированность, который является языком повторений и стереотипов, чуждых всякой магии, «всякого энтузиазма», который порождает монологичный дискурс, и акратического, парадоксального языка, которой ориентируется на поиск нового, на создание его, на исключительность и экспериментальность, т.е он основан на рефлексии, на творческой мысли, отсюда его открытость и диалогичность.

Как представляется, феномен монологизма не может существовать в чистом виде, так как в любом тексте, даже в сугубо жестко детерминированном, идеологически направленном, проводящем свои установки с помощью языковых средств, всегда есть диалог. Сама природа текста предполагает наличие диалогических отношений между автором и читателем. Кроме того, интертекстуальные связи, возникающие между текстами, тоже можно определить как диалогические. Таким образом, монологизм – это сознательная или бессознательная установка автора на исключение себя из диалога. Один и тот же текст может быть прочитан как с монологической стороны – авторская установка, и тогда он характеризуется полным набором признаков, которые имманентны монологическому тексту, и с диалогической стороны, и тогда ему будут присущи черты, характерные для диалогического текста. Условно монологические тексты имеют точки пересечения с диалогическими, например, монологический текст, как и диалогический, творит собственную реальность – ирреальность, гиперреальность, симулякры – симулякр ценностей, установок, жизни и т.д., идеологемы, мифологемы, культуры, внедряет собственные идеологические установки. Но, как представляется, диалогический текст имеет множество различных идеологических установок, которые характеризуют различные идеологические системы, иногда прямо противоположные, но которые сосуществуют в диалогическом тексте на равных правах, используются с разными целями: для выражения взглядов

автора, как своеобразные игровые планы, обыгрывания, переосмысления. Монологический дискурс с идеологических позиций представляет собой не плюралистическую модель, а моноидеологическую: все идейные установки, проблемы, языковые средства используются автором для внедрения, аргументированного обоснования одной, как кажется автору, истинной идеи. Главный критерий оценки монологического текста – истинность/ложность. Для постмодернистского текста этот критерий не является основополагающим. Современный автор предлагает множество путей, следов, выборов (что для автора современного текста истинно, то для читателя может быть ложно или неприемлемо). Современный текст строится на основе рефлексии, которая порождает у потребителя текста новую рефлексию, которая либо продолжает мыслительный процесс, начатый создателем текста, либо вызывает иные, личные ассоциативные планы, которые порождают иные мысли, отличные от авторских (так как не бывает одинаковых ассоциативных впечатлений у людей). Рефлексия поворачивается в другое русло, на первый взгляд иногда противоположное заданному автором. Монологический текст не содержит в себе рефлексирующего начала. Если и возникает новое прочтение такого текста, так это не благодаря тексту-источнику, авторским установкам, а вопреки им. Монологический дискурс однонаправлен, и языковые средства, используемые им, не обладают двойственной, множественной природой. Они запрограммированы на выявление и убедительное доказательство заложенной в данном тексте установки (идеологической или мировоззренческой). Монологичность неизбежно ведет к завершенности, однозначности, а явления завершенности и однозначности коррелируют с определенной культурной моделью, стереотипностью. Этот феномен связан с разными планами языковой личности. Личностное сознание сопрягается с однозначностью и стереотипностью. Существует только «я», все происходит только в поле моего сознания, но это не множественная экзистенциальность, где личность в поиске неопределенности и существует в модусе возможностей.

Это та личностная интенция, которая определяет модус долженствования. Монологичность имеет различные связи – культурные, идеологические, общественные, но еще монологичность генетически предопределена: в стереотипном сознании существует ортодоксальная связь с миром, бытием (все должно быть так, а не иначе, и только так). На этом принципе строится и наука, и культура, и этика. Незыблемая конвенциональность, как считает Н.В. Бойко [3], определяет все связи человека с внешним миром, все разнообразие человеческого самосознания.

Монологизм конституирует язык власти как выражение энкратического языка, сопряжен с выявлением языковой природы, поэтому такой план может быть самодостаточным, потому что он связан с языком. По замечанию Р. Барта, ничего нет такого в человеческом существовании, чего бы не было в языке.

Рассмотрим статью Н. Скатова «Погружение во тьму» [5]. Данная статья содержит анализ современной культурной ситуации, ее отражение в литературе, размышление о месте и роли литературы в современном обществе и позволяет выделить характерные черты, присущие монологическому тексту.

Как представляется, изначально концептуальный взгляд Н. Скатова на предмет анализа – на литературу – характеризуется жестким членением мира, всему определяется место в широкой аксиологической классификации. Аксиологические интенции автора взрывают содержательное наполнение его концепции (любое положение, утверждение статьи можно оспорить). Поэтому из плана неприятия пафоса статьи читательское сознание (в случае его развитой культурно-аналитической и филологической рефлексии) переключается в план осмысления несостоятельности содержательного уровня текста, организованного по принципам монологизма, одним из проявлений которого является язык власти. Можно утверждать, что язык Н. Скатова может быть определен как монологический, энкратический язык, в основание которого положена докса – общепринятое мнение, опирающееся на фикции – идеологические установки. Текст статьи предваряет редакторский пролог: «События последних дней: Государственной Думой Закон о языке принят. Федеральным Советом отклонен. Разговоры вокруг языка теперь много. Высказываются политики, артисты, военные. Так велика разногласица, что за языком не слышно Слова. Продуманного, взвешенного, к месту и времени употребленного. Как умели это делать наши великие мыслители и литера-

торы. О них, о месте литературы в обществе и школе и о многом другом размышляет директор Пушкинского Дома; член-корреспондент РАН» [5:1]. Заметим, что в данном прологе задана не только тема статьи, но и язык как энкратический код, который характеризуется ссылками на авторитеты (множественными и различными), четкой аргументированностью и оценочностью. В первом перечне – «политики, артисты, военные» – используются номинации, которые обозначают авторитетных лиц, мнение которых является доминирующим на современном этапе развития общества. В высказывании «как умели это делать наши великие мыслители и литераторы» аргументация основывается на традиционных авторитетах, на которые опирались предшествующие поколения. В словосочетании «великие мыслители» заложена «двойная» оценочность, так как само слово «мыслители», понимаемое как человек, «обладающий способностью к глубокому, философскому мышлению» [6:1419–1420] не является нейтральным, оно оценочно, а при употреблении определения «великие» степень оценочности возрастает. В приведенном выше прологе проявляется такая черта нашего мировидения, как литературоцентричность, через призму которой происходило осмысление мира, которая служила критерием оценки различных явлений жизни, человеческого существования с его духовными метаниями и постоянным поиском идеалов, смысла жизни в соответствии с моральными принципами. Литературоцентричностью было пронизано все жизненное пространство предыдущих эпох. На современном этапе литературоцентричность не может рассматриваться в качестве основного, определяющего культурного, общественного принципа. Изменение статуса литературоцентричности заключается в том, что в современном обществе преобладает постмодернистское мировидение, постмодернистская культурная парадигма с ее неиерархичностью, разорванностью, множественностью и гетерогенностью во всем, во всех областях знания и существования. Поэтому уповать на авторитеты современных писателей бессмысленно: литература, литературные дискурсы перестали быть образцами монологических текстов с их «правильностью», нормативностью, в том числе и в языковом плане. Современные литературные тексты фиксируют язык во всех его проявлениях (это феноменологическая установка), в многообразии его форм, стилей, употреблений, исчезло понятие нормы, а язык литературы уже не является критерием «чистоты» и традиционно

понимаемой литературности (например, постмодернистские произведения: смешение стилей, «низкого» и «высокого», «элитарного» и «массового» во всем: в языке, теме, в содержании и даже понимании).

Редакторский пролог задает не только тему статьи, но и ее стиль и язык. Пролог участвует в реализации категории проспекции (понятие И.Р. Гальперина [4]), тем самым предоставляя возможность читателю предугадать содержательное наполнение и энкратичность языка авторского текста.

Представим краткий анализ статьи Н. Скатова «Погружение во тьму». Статья начинается словами: «Наше время – и с новой силой – обязывает осознавать неизменную роль литературы в качестве не лишь одного – в ряду прочих – видов искусства, не только одного из способов так называемого духовного производства...» [5:1]. Ранее отмечалось, что одним из способов построения монологического текста является стереотипность, которая проявляется в приведенном фрагменте в виде стереотипного сочетания «неизменная роль литературы». В этом отрезке текста, как и в прологе, подчеркивается исключительное положение литературы в общественном сознании, которое она занимала и будет занимать, по мнению Н. Скатова, всегда. Для приведенного фрагмента характерна установка на негативное восприятие современной действительности, категоричность мышления, присущая монологическому тексту.

В контексте общей установки сознания значимо такое высказывание: «Я уже не говорю о чудовищности и пагубности всячески внедряемого сейчас мнения, что время литературы и вообще-то уходит или ушло и место ее – самое большое – скромный лоток на всеобщем рыночном торжище» [5:1]. Приведенный отрывок построен по принципу бинарной оппозиции «свое» мнение/«чужое» мнение, в которой положительно маркирован первый член, а второй – «чужое» – представляет собой субстанцию, негативность которой подчеркивается преувеличенно оценочными словами «чудовищность», «рыночное торжище» и которая не может имманентно присутствовать в «своем», а «всячески внедряется». Значимость «чужого» снижается и снимается употреблением обиходной (доксальной) лексики «лоток», «рынок».

Энкратический язык пронизывает и такой фрагмент текста: «Прежде всего литература есть единственное в своем роде орудие универсального освоения мира, инструмент, многосторонне познавательный и всесторонне воспитывающий» [5:1]. Приведенный кон-

текст отражает такие особенности энкратического языка, как построение универсалий, к которым стремится, по мнению Р. Барта, язык власти, военизированная метафоризация, характерная для эпохи тоталитаризма и сопряженная с идеологическим сознанием, и, наконец, стереотипные словесные формы: роль литературы «познавательная» и «воспитывающая» и ярко выраженный модус оценочной лексики: «единственное», «многосторонне», «всесторонне».

Текст статьи построен на различных иерархических рядах имен, которые призваны доказать, подкрепить истинность излагаемых автором интенций, взглядов и выводов. В иерархический список включены такие имена, как «выдающийся современный музыкант Валерий Гаврилин» и «величайший немецкий энциклопедист Ф. Гегель» [5:1,8] (музыкант, философ Гегель – традиционная опора на авторитеты). Далее автор, сознательно потакая времени, современности, вводит имя политика И. Хакамады, затем опять возвращается к традиционному, классическому авторитету – А. Пушкину и завершает этот перечень одиозными фигурами, которые являлись непререкаемыми авторитетами советской эпохи (В. Ленин и А. Луначарский), вводит их с позиции стороннего наблюдателя – с оговоркой. Такой иерархический ряд пронизан оценкой, необходимой для того, чтобы убедить читателя в авторитетности предлагаемых источников, а может быть, нанизывание оценочных слов, повторение их порождает эффект «зомбированного» слова (явление, характерное для массового искусства).

Далее автор вводит новые иерархические ряды, представляющие собой имена деятелей культуры, писателей разных эпох и поколений: В. Распутин – Г. Маркес – Ф. Искандер – Р. Виктюк; А. Пушкин – Ф. Достоевский – А. Ахматова – А. Солженицын – Л. Анненский – Ю. Дружников; М. Лермонтов – В. Белинский – И. Тургенев – Ф. Достоевский; Н. Некрасов – Ф. Достоевский – И. Гончаров – Л. Толстой. Критикуя такое «ничтожное» искусство, как постмодернизм, Н. Скатов снова обращается за помощью к мнению авторитетных источников, выстраивая новый перечень авторитетных имен: И.В. Гете – В. Астафьев – Н. Некрасов – В.В. Розанов. Ссылки на авторитеты, построенные автором перечни номинаций различны, их можно разделить (условно) на три вида: 1) иерархический ряд, представленный именами писателей, к которому часто прибегает автор; 2) ряд смешанных имен (это и названия профессий,

и категории нравственного порядка, и деятели, не сопрягающиеся между собой, получившие известность в различных модусах человеческого существования. Например, Гете – Образ и Подобие Божие – Гоголь – тургеневские девушки – Пушкин – Моцарт – Родина – Россия; 3) иерархический ряд, олицетворяющий собою власть в ее временных и социальных приоритетах, силу, которая согласно традиционному, монологическому миропониманию является наиболее авторитетным источником. Например, Бог – Министерство печати – администрация – первый министр образования В. Болотов – центры и программы «Русский язык», «Русское слово» – профессор Московского университета Л. Касаткин – закон. Как известно, мысль рождается в подпорках авторитета, существует в иерархическом ряду, рассчитанном на читательское восприятие, которое основано на различных областях стереотипизации.

Категоричность суждения, которая основывается на подспудной, имплицитно выраженной в тексте бинарности, оппозиционности, мифологичности мышления, которое по своей природе дуалистично и которое свойственно русской культурной традиции, отрицающей возможность средней позиции, характерна для такого высказывания автора: «Но вот в эпоху всеобщей грамотности возник новый «важнейший» из видов «искусства» – телевидение, которое постепенно и все ускоряя стало погружать общество в безграмотность. А уже за ним как за ведущей силой, четвертой властью, перед которой часто лебезят и заискивают и первая, и вторая, и третья, потянулось остальное. Так что время но-

вой всеобщей безграмотности уже наступает» [5:8]. Это высказывание отражает мифологичность сознания автора: мир носителя мифологического сознания делится на доброе и злое, своих и врагов. Вполне органично в тексте проявляется стереотипная оппозиция грамотность/безграмотность, которая раскрывает враждебность, неприемлемость «чужого» (нового), направленного на разрушение «своего» (в данном случае традиционной литературы). Основная оппозиция с жестко маркированным первым членом «свое»/ «чужое», которая в свою очередь организуется различными оппозициями (подразумеваемыми или явными), находит отражение в заданной в тексте идеологической установке. Ее модификации предстают в таком ряду: классическая литература/постмодернистская литература, «высокая» мода элитного постмодернизма сошлась с «поэтикой» самого «низа» [5:8], «высокого постмодерна и низовой масс-культуры» [5:8], грамотность/ безграмотность, «Добро, зло, стыд, бесстыдство» [5:8], нельзя/«дозволено все», старое/новое, русский/английский и т.д. Традиционная оппозиционность формирует однонаправленность, оценочность (всеобщую, коллективную), истинность – те категории, которые организуют монологичность, не принимающую мнение «другого», закрытую, как замкнутую систему, не приемлющую диалог. Именно энкратическому, монологическому по существу способу осмысления предмета анализа, находящемуся в модусе долженствования, подчиняется все текстовое пространство статьи: и иерархические ряды имен, и аргументация, и язык, и категория оценочности.

Литература

1. *Барт Р.* Война языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. – М., 1989. – С. 535–540. 2. *Барт Р.* Разделение языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. – М., 1989. – С. 519–534. 3. *Бойко Н.В.* Конвенциональность как лингво-философская универсалия // Вісник Харківського

університету. Сер. Філологія. – 2002. – №557. – С. 6–10. 4. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. 5. *Скатов Н.* Погружение во тьму // Литературная газета. – 2003. – № 7. – С. 1, 8. 6. *Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / АН СССР.* – Т. 6.: Л.-М., 1957. – С. 1419–1420.

АНОТАЦІЯ

У статті розглядається монологічний дискурс на матеріалі літературно-публіцистичної статті; аналізується феномен монолізму, що конститує мову влади як вираження енкратичної мови; виявляються принципи організації монологічного дискурсу, мовні засоби їх реалізації.

SUMMARY

The paper approaches the monologic discourse in general with the literary publicism article as an example, analyzes the phenomenon of monologism constituting the language of power as an encratic language implementation. The organizational principles of the monological discourse and the linguistic means of their implementation are brought to light.